

Жанна Некрашевич-Короткая

ПОБЕДА В ГРЮНВАЛЬДСКОЙ БИТВЕ
КАК *OMEN FAUSTUM* ДИНАСТИИ
ЯГЕЛЛОНОВ В ГЕРОИЧЕСКОЙ ПОЭМЕ
ПРУССКАЯ ВОЙНА (1516) ЯНА ВИСЛИЦКОГО

Аннотация. Героическая поэма Яна Вислицкого *Bellum Prutenum* (*Прусская война*) была задумана автором в первую очередь как историко-панегирический эпос (Л. Траубе) в честь Ягеллонов. Знаменательно, что *Прусская война* была опубликована в один год с поэмой *Австриада* Риккардо Бартолини – хронологически первым историко-панегирическим эпосом, посвященным Габсбургам. Одержанная в 1514 г. победа над московитами под Оршей оценивается автором как продолжение триумфа под Грюнвальдом. На этой основе поэт ясно даёт понять всем потенциальным «претендентам» на престолы в Кракове и Вильне, что правом высшей политической власти в обоих государствах обладают только потомки Ягеллонов. Победа в Грюнвальдской битве 1410 г. в идейной концепции поэмы осмысливается как своеобразный «счастливый знак» (*omen faustum*) этой династии¹.

Ключевые слова: Ян Вислицкий; героическая поэма *Прусская война*; Грюнвальдская битва; историко-панегирический эпос; династия Ягеллонов.

Поэма Яна Вислицкого *Bellum Prutenum* (*Прусская война*), состоящая из трех книг и 1057 гекзаметров, была опубликована

¹ Сбор материалов для этой публикации и ее подготовка осуществлялись при поддержке Фонда имени Александра фон Гумбольдта (*Die Quellenstudien und Vorbereitungen für diese Publikation wurden durch die Alexander von Humboldt-Stiftung gefördert*).

в 1516 году в краковской типографии Яна Галлера. Формально (в соответствии с заголовком) основной темой произведения, казалось бы, является битва с крестоносцами под Грюнвальдом (Танненбергом) 1410 г., которую писатели того времени называли Прусской войной. Действительно, самая объёмная – вторая – часть поэмы (511 гекзаметров) посвящена изложению предыстории этой войны и описанию непосредственного хода Грюнвальдской битвы. В оценках эпического таланта Яна Вислицкого многие ученые XIX и XX вв. отталкивались от сопоставления *Прусской войны* с классическими эпопеями античности – *Илиадой* Гомера и *Энеидой* Вергилия. Такая установка породила ряд негативных характеристик относительно художественной ценности произведения. Так, Михал Вишневецкий не заметил в *Прусской войне* никакой поэзии²; Кароль Мехежыньский, наоборот, хвалил поэта за живость и изящество описаний, хотя упрекал его за бедность сюжета³; наконец, Михал Езеницкий критиковал автора за то, что он не хотел пользоваться историческими источниками⁴. Эти поверхностные суждения первых польских исследователей творчества Яна Вислицкого зачастую механически переносились в работы их последователей. Поэтому вопрос о специфике художественной концепции и образной системы *Прусской войны*, о ее композиционных особенностях и сегодня не утратил своей актуальности.

В контексте данного исследования следует более детально остановиться на проблеме жанровой идентификации поэмы Яна Вислицкого, а также на вопросе о литературной традиции применительно к этому памятнику. Альфред Ланге, составитель

² Michał Wiszniewski, *Historia literatury polskiej*, t. VI, w Krakowie: W Drukarni Uniwersytetu, 1844, s. 229.

³ Karol Mecherzyński, „Jana z Wiślicy *Wojna Pruska*”, in: *Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń wydziału filologicznego Akademii Umiejętności*, t. VIII, w Krakowie, 1880, s. 275.

⁴ Michał Jezienicki, „Uwagi krytyczne nad utworami łacińskimi Pawła z Krosna i Jana z Wiślicy wydanymi przez prof. Dr. B. Kruczkiewicza”, in: *Muzeum*, r. IV, we Lwowie, 1888, z. 4, s. 199.

польскоязычной версии фундаментального труда французских литературоведов А. Шассена и Ф.-Л. Марку *Этос* (Краков, 1894) еще в конце XIX века констатировал: «Первой польской эпопеей является поэма Яна из Вислицы *Прусская война*.»⁵ К сожалению, в дальнейшем в литературоведческой науке XX в. по отношению к этому произведению возобладали подходы в духе Тадеуша Синко, назвавшего Яна из Вислицы «неудавшимся эпиком»⁶. По-видимому, подобные оценки были связаны с тем, что в *Прусской войне* эпическая нарративность с самого начала сочетается с ярко выраженным панегиризмом. Автор не стремится к созданию поэтического переложения исторической хроники в духе поэмы *Рипица* (*Пуническая война*) Силия Италика; последняя, в самом деле, является, фактически, стихотворным (в гекзаметрах) переложением *Истории* Тита Ливия.

В плане литературной традиции *Прусскую войну* правильнее было бы сопоставить не с эпосом Вергилия, хотя, как и для всех других новолатинских эпиков, *Энеида* была для Яна Вислицкого «подлинным центром и нормой»⁷ в выборе художественных средств. Но с точки зрения сюжетно-композиционного построения и стилистической манеры на *Прусскую войну* оказал влияние, скорее, эпос Лукана. Поэма *De bello civili* (*О гражданской войне*), которой сам Лукан дал название *Pharsalia* (*Фарсалия*), воплотила в своей художественной фактуре проявления нового, декламационного, стиля, для которого были характерны «патетика, эмоциональность, обилие сентенций»⁸. Интересно, что

⁵ Alexis Chassang, François dit Léopold Marcou, *Epos. Arcydziela Poezyi Epicznej Wszystkich Czasów i Narodów*, przełożył i uzupełnił A. Lange, Kraków: W księgarni L. Zwolińskiego i Spółki; Warszawa: Teodor Paprocki i Spółka, 1894, s. 381.

⁶ Tadeusz Sinko, „Poezja nowołacińska w Polsce”, in: *Dzieje literatury pięknej w Polsce*, cz.1, Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 1935, s. 90.

⁷ Сергей Сергеевич Аверинцев, «Внешнее и внутреннее в поэзии Вергилия», in: *Поэтика древнеримской литературы: Жанры и стиль*, Москва: Наука, 1989, с. 23.

⁸ Даля Дилите, *Античная литература*; перевод с литовского Н. К. Малинаускаене, Москва: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2003, с. 383.

именно этой поэме, написанной гекзаметрами, Мацей Казимир Сарбевский отказывал в праве называться эпосей, считая, что она написана «непоэтически, хотя и многословно» (*non poetice, et tamen prolixè*)⁹. Тем не менее, декламационный стиль нашел своих приверженцев в позднантичном эпосе, где более выразительно проявляется панегирическая направленность, где «типичной становится связь повествовательного, мифологического действия с прославлением определенного, доминирующего в обществе рода либо определенной личности.»¹⁰ Дальнейшим развитием лукановской традиции стало творчество Клавдия Клавдиана (род. около 375 г.): его поэму *De bello Gildonico* (*О войне с Гильдоном*) Карла Польшманн рассматривает как типичный образец панегирического эпоса¹¹.

В литературе раннего Средневековья лукановский и вергилиевский типы эпосеи сосуществовали и проявлялись в той или иной степени в памятниках эпической поэзии: в поэме *De rebus gestis Ludovici Pii* (*О деяниях Людовика Благочестивого*) Эрмольда Нигелла, в *Annales de gestis Caroli magni imperatoris* (*Анналы подвигов императора Карла Великого*) неизвестного саксонского поэта, анонимном *Valtarius* (*Вальтарий*), в поэме Аббона Сен-Жерменского (Аббона Горбатого) *De bellis Parisiacaе urbis* (*О сражениях в городе Париже*), в *Alexandreis* (*Алекса́ндреида*) Вальтера Шатильонского, *Africa* (*Африка*) Франческо Петрарки и др. Более того, в эпической поэзии времен Средневековья наблюдается отход в аксиологическом плане от непрерываемого авторитета Гомера и Вергилия. Поэты-эпики считают возможным для вопло-

⁹ Mathias Casimirus Sarbievius, *Poetica*, Volumen I: *Praecepta poetica. De perfecta poesi = Poetika*, I tomas: *Poezijos mokslas. Apie tobulą poeziją, parengė, papildė, pratarbę parašė ir rodykles sudarė Ona Daukšienė*, Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2009, p. 487.

¹⁰ Karla Pollmann, "Das lateinische Epos in der Spätantike", in: *Von Göttern und Menschen erzählen. Formkonstanzen und Funktionswandel vormoderner Epik*, hrsg. Jörg Rüpke, Stuttgart: Steiner, 2001, S. 95.

¹¹ *Ibid.*, S. 100–106.

щения постулированных Горацием «*res gestae regumque ducumque et tristia belli*» («героических деяний королей и вождей, а также тягот войны») как содержательного материала эпопеи обращение к опыту не только эпических и элегических поэтов, но также риториков, философов и даже мастеров исторической прозы. В этом смысле характерно, что в «запеве» своей поэмы Эрмольд Нигелл ссылается на творческий опыт не только Вергилия, но приводит целый ряд «литературных наставников»:

Si Maro, Naso, Cato, Flaccus, Lucanus, Homerus,
Tullius, et Macer, Cicero, sive Plato,
Sedulius nec non Prudentius atque Juvenus,
Seu Fortunatus, Prosper et ipse foret,
Omnia famosis vix possent condere cartis,
Atque suum celebre hinc duplicare melos.¹²

(Если бы были [живы] Марон, Назон, Катон, Флакк, Лукан, Гомер, Туллий и Макр, Цицерон или Платон, Седулий, а также Пруденций и Ювенк, либо Фортунат или даже сам Проспер, вряд ли они смогли бы обо всём рассказать в словесных сочинениях и повторить эту свою знаменитую песню.)

Соответствующие творческие интенции были позже теоретически осмыслены Иоанном Гарландским в его *Поэтике*, созданной около 1195 г. В отличие от Горация и Диомеда, он писал о существовании не трех родов поэзии, а трех родов повествования, отмечая, что повествование одинаково свойственно стихам и прозе. В рамках повествовательного вида следом за Цицероном ученый выделяет три разновидности: сказку, историю и вымысел¹³. Эпос, по мнению Иоанна Гарландского, – это

¹² *Хрестоматия по латинскому языку: Средние века и Возрождение*, авт.-сост. Н. А. Федоров, Москва: «Издательство Астрель»; «Издательство АСТ», 2003, с. 192.

¹³ Михаил Леонович Гаспаров, «Средневековые латинские поэтики в системе средневековой грамматики и риторики», in: *Проблемы литературной теории в Византии и латинском средневековье*, отв. ред. М. Л. Гаспаров, Москва: Наука, 1986, с. 151.

поэтическая форма воплощения истории, т. е. событий, далёких от нашей памяти. Кто разрабатывает историю, «тот, дабы избежать недостатков, должен выносить вперед пропозицию [темы], затем воззвание к богам, затем повествование, и должен пользоваться риторической окраской – *transitio*; с ее помощью слушатель по предшествующему рассказу угадывает дальнейшее [...]»¹⁴ Фактически, Иоанн Гарландский сформулировал требование относительно построения «запева»: краткое изложение темы, или аргумент («*argumentum totius erorociae*», по Сарбевскому¹⁵), а также инвокация к божеству. Своим замечанием о необходимости использования *transitio* (риторического перехода) ученый подчеркнул важность достижения автором целостности и логичности повествования.

С середины XV в. получают значительное распространение поэмы, к которым в научной литературе применяется жанровое определение «историко-панегирический эпос» (*historisch-panegyrische Epos*)¹⁶ либо «эпос об истории и современности» (*historisch-zeitgeschichtliche Epos*)¹⁷. Чаще всего эти поэмы посвящались представителям правящих династий государств Европы; для некоторых из них авторы выбирали названия по образцу *Илиады* или *Энеиды* – с финалями *-is*, *-ias* либо *-eis*. Один из первых образцов такого эпоса создал в 1448–1453 гг. итальянский поэт Базинио Базини: его поэма *Hesperis* (*Гесперида*), состоявшая из 13 книг (возможно, как свидетельство стремления автора превзойти Вергилия, сочинившего *Энеиду* в 12-ти книгах), была посвящена

¹⁴ *Ibid.*

¹⁵ Mathias Casimirus Sarbievius, *op. cit.*, p. 280.

¹⁶ Ludwig Traube, *Einleitung in die lateinische Philologie des Mittelalters*; hrsg. von Paul Lehmann, München: Oskar Beck, 1911, S. 344.

¹⁷ Heinz Hoffmann, „Von Africa über Bethlehem nach America: Das Epos in der neulateinischen Literatur“, in: *Von Göttern und Menschen erzählen. Formkonstanzen und Funktionswandel vormoderner Epik*, hrsg. Jörg Rüpke, Stuttgart: Steiner, 2001, S. 146.

подвигам герцога Сигизмондо Пандольфо Малатеста¹⁸. Чаще всего, однако, в названиях историко-панегирических эпоей увековечивалось имя представителя той или иной династии: *Sphortias* (*Сфорциада*) Франческо Филельфо, *Cosmias sive de laude Cosimi Medici* (*Козмиада, или О славе Козимо Медичи*), *Laurentias* (*Лаврентиада*; в честь Лоренцо Медичи) Джованни Марио Филельфо и др.

Как доподлинно установил Б. Кручкович, поэма *Прусская война* была создана ее автором уже в 1515 г. Именно в этом году состоялся Венский конгресс, на котором, как пишет Ф. Дворник, были заключены узы дружбы между Ягеллонами и Габсбургами, и эти узы дружбы «имели первостепенное значение для истории Европы»¹⁹. Приведем здесь также немаловажную литературную параллель. В один год с поэмой *Прусская война*, в 1516 г., впервые увидела свет поэма Риккардо Бартолини под названием *De bello Norico, ad divum Maximilianum, Austriados libri duodecim* (*О Норикской войне, к божественному Максимилиану, Австриада в двенадцати книгах*). «Непосредственным поводом и, собственно, темой этого новолатинского поэтического сочинения, – пишет Людвик Пухальский, – была война 1504 года за право наследования [власти] в Баварии, но, по сути, наибольшее внимание здесь уделяется прославлению правящей австрийской династии: ее история, заслуги и в особенности судьба заслуживают наиболее подробного рассмотрения.»²⁰ *Австриада* Р. Бартолини была хронологически первым памятником династического эпоса во славу Габсбургов, позже появились еще три поэмы с аналогичным

¹⁸ Heinz Hoffmann, *op. cit.*, S. 147.

¹⁹ Франтишек Дворник, *Славяне в европейской истории и цивилизации*, пер. И. И. Соколовой при участии И. А. Аржанцевой и С. С. Никольского; под общ. ред. И. И. Соколовой, Москва: Языки славянской культуры, 2001, с. 525.

²⁰ Ludwig Puchalski, *Imaginärer Name Österreich. Der literarische Österreich-Begriff an der Wende vom 18. Zum 19. Jahrhundert*, Wien-Köln-Weimar: Böhlau Verlag, 2000, S. 21.

названием: в 1540 г. – Иоахима Мюнзингера, в 1559 г. – Рокко Бони, в 1602 г. – Андреаса Гравинуса.

Немаловажная деталь: в названии упомянутых выше поэм Лукана и Клавдиана, а также в названиях поэм Риккардо Бартолини и Яна Вислицкого присутствует упоминание о войне. Это неудивительно: ведь военные подвиги служили наилучшим фоном для панегирической презентации эпического героя, каковым в поэме Яна Вислицкого выступает король Ягайло. Возможно, именно поэтому В. Дорошкевич определил жанр *Прусской войны* как «историко-героическая эпопея»²¹. Однако, как следует из первых строк поэмы, тема войны неразрывно связывается автором с темой династической – прославлением Ягеллонов.

Поэмы *Австриада* и *Прусская война*, схожие по своему художественному замыслу (прославление правящей династии), различаются способом воплощения этого замысла. Различие выявляется уже на уровне вступительной части. Риккардо Бартолини в «запеве» своей эпопеи актуализирует не только собственно тему эпического повествования, но и непосредственным образом вплетает в него «космографию моря и земли» («*cosmographia maris et terrae*»²²):

Caesareis acies, Arctōaque regna, Ducisque
Magnanimos canimus, fontemque binominis Istri,
Et vastum, Helvetio spumantem vertice Rhenum
Strage hominum, atque atro maculantia aequora fluctu.²³

(Мы поём об императорском войске и о северной державе, о благородных вождях и о водах двуименного Истра, также о широком, струящемся с гельветской вершины Рейне и о [его] берегах, запятнанных темным потоком [крови] в битве между людьми.)

²¹ Виктор Иванович Дорошкевич, *Новолатинская поэзия Белоруссии и Литвы: Первая половина XVI века*, Минск: Наука и техника, 1979, с. 108.

²² Mathias Casimirus Sarbievius, *op. cit.*, p. 258.

²³ [Ricardus Bartholinus Perusinus], *Ad divum Maximilianum Caesarem Augustum [...] de bello Norico, Austriados libri duodecim*, Argent[orati]: Apud Ioan-nem Schottum librarium, anno [1531], p. 1.

Ян Вислицкий строит «запев» в соответствии с собственными творческими задачами. Поскольку война с тевтонцами (Прусская война) – идейный стержень поэмы, то *argumentum totius eporoëiae* у связан с актуализацией образа-символа «*fama felix*» («счастливая весть»).

Felix astrigeri veniens de cardine mundi
Fama trucis nimium, Rex invictissime, belli
Sanguineo reboat multum madefacta triumpho
Fortis avi tollendo tui ad fastigia caeli
Gesta [...].²⁴ (I, 1–5)

(Счастливая весть о необычайно суровой войне, непобедимый король, придя от звёздного полюса мира, наполненная батальным триумфом, громко отозвалась, вознося до поднебесных высот подвиги твоего могучего предка.)

«*Fama felix*» олицетворяет собой в первую очередь память предков, преемственность героических традиций. Победа в Грюнвальдской битве стала для всех нынешних и будущих врагов державы наилучшим свидетельством военной мощи короля Сигизмунда: ведь если его дед, Владислав-Ягайло, одержал эту великую победу, то и внук будет, несомненно, достойным продолжателем его ратных деяний. Вот почему «счастливая весть» в экспозиции поэмы сочетается с обращением к Сигизмунду и служит художественным средством символического объединения короля-современника с его «могучим предком» – королём Ягайло. Именно в образе Ягайло воплощена необходимая для классического героического эпоса «*idea universalissima heroica [...]* absolutissimi» («наиболее общая идея совершеннейшего героя»), который должен занимать центральное место в эпосе

²⁴ Vide, e. g.: Ян Вісліцкі, *Прусская вайна = Ioannis Visliciensis Bellum Prutenum*: на лац. і беларус. мовах; уклад, перакл., камент. Ж. В. Некрашэвіч-Кароткай, Мінск: Прапілеі, 2005, с. 233. В дальнейшем при цитировании текста *Прусской войны* указывается порядковый номер книги (*libri*) и стихотворной строки.

(*Sarbievius, De perfecta poesi*, II, 7)²⁵. Однако в данном случае Ян из Вислицы применяет оригинальную художественную находку: о короле Ягайло он вспоминает, обращаясь к королю Сигизмунду. Таким образом, в центре внимания автора эпопеи – оба Ягеллона. Людвика Щербicka-Сленьк весьма удачно сформулировала эту особенность художественной ситуации *Прусской войны*: Ягайло – герой поэмы, Сигизмунд I – персонаж, мотивирующий замысел рассказа о его подвигах. «Подчеркивается генеалогическая связь между этими персонажами: Ягайло выступает «дедом» Сигизмунда, основателем династии, а его подвиги, о которых рассказывается в поэме, интерпретируются как деяния родоначальника.»²⁶

Видимо, руководствуясь ощущением, что оба короля занимают центральное место в эпическом пространстве *Прусской войны*, С. Виндакевич назвал поэму «обширным панегириком в честь династии Ягеллонов и короля Сигизмунда Старого.»²⁷ С. Лемпицкий справедливо отметил, что в поэме *Пруская война* автор «задумал создать своего рода «Ягеллониду», где в центре внимания должны были быть Ягайло и Грюнвальд.»²⁸ Ту же метафору использовал вскоре Б. Надольский, отметив, что «Ян Вислицкий был, пожалуй, первым, кто задумал некую «Ягеллониду», желая прославить династию Ягеллонов перед иностранцами.»²⁹ И в том, и в другом случае это лишь метафора – довольно удачная, но не до конца позволяющая раскрыть идейный замысел произведения.

²⁵ Mathias Casimirus Sarbievius, *op. cit.*, p. 302.

²⁶ Ludwika Szczerbicka-Ślęk, *W kręgu Klio i Kalliope: Staropolska epika historyczna*, Wrocław [i in.]: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1973, s. 59.

²⁷ Stanisław Windakiewicz, *Epika polska*, Kraków: Gebethner i Wolff, 1939, s. 13.

²⁸ Stanisław Lempicki, *Renesans i humanizm w Polsce: Materiały do studiów*, słowo wstępne K. Budzyka, Kraków: Czytelnik, 1952, s. 225.

²⁹ Bronisław Nadolski, „Poezja polsko-łacińska w dobie Odrodzenia”, in: *Odrodzenie w Polsce: Materiały sesji naukowej PAN 25–30 października 1953 roku*, t. IV: *Historia literatury*, komitet red.: Bogusław Leśnodorski i in., pod red. Jerzego Ziomka, Warszawa: PIW, 1956, s. 177.

Небезосновательным, с нашей точки зрения, будет предположение, что Ян Вислицкий поставил перед собой творческие задачи, схожие с теми, которые решал Р. Бартолини. Хронологическая последовательность событий, историческая конкретика не являются доминантными принципами сюжетного построения поэмы *Прусская война*. Поэта волнует тот факт, что о славе Грюнвальдской битвы, которая облетела все далёкие и близкие земли и подняла на недостижимую высоту имя короля Ягайло, деда современного ему короля Сигизмунда Первого и основателя династии Ягеллонов, «vates per tot labentia lustra obticuerunt libris» («поэты молчали в книгах в течение долгих периодов забвения») (I, 33–34). Поэт-эпик определяет для себя два приоритетных направления: во-первых, возродить полузабытую славу победы под Грюнвальдом, во-вторых, представить эту победу как тот счастливый *отен* («знак»), который наделяет Ягеллонов исключительными правами владычества на землях Центральной и Восточной Европы.

Традиционная для античной поэзии апелляция к Музам логично заменяется у поэта-христианина молитвой к Деве Марии. Перенос на Богородицу функцию покровительницы творцов и используя «маринистическую» топику как дань уважения великому Вергилию, Ян Вислицкий просит помочь ему в создании произведения, принести благоприятные ветра и направить ростру его корабля в доброе русло. Включение в текст поэмы вступительной молитвы, обращенной к Богородице, можно объяснить и еще одним обстоятельством. Во время Грюнвальдской битвы ратники Ягайло и Витовта пели песню «Богуродница Девица» («*Bogurodzicza Dzewicza*»), служившую военно-патриотическим гимном и после одержанной в 1410 г. победы получившую название «Грюнвальдской песни»³⁰. Интересно, что галицкий

³⁰ Юлиан Андреевич Яворский, *Новая гипотеза о происхождении т. наз. Грюнвальдской песни (Bogurodzicza dzewicza)*, Киев: Типография Т. Г. Мейндера, 1907, с. 3.

ученый В. Щурат считал песню «Богородица» западно-русским памятником конца XIV в., сохранившимся лишь в нескольких польских транскрипциях XV и XVI в.³¹ Эту песню знал, бесспорно, и Ян Вислицкий. Вот почему Богородица – а не Муза! – появляется в начале поэмы, большая часть которой посвящена истории войны 1410 г. Поэт просит о помощи Пресвятую Деву, ибо именно к ней обращались в песне его соотечественники – ратники под Грюнвальдом.

В первой книге *Прусской войны* поэт осуществляет поэтическую презентацию той земли, которую «*ascola rudis*» («неосведомленный сосед») называл Сарматией, хотя исконное ее название, подчеркивает поэт, – *Polonia*. Перечислив те народы, которые населяют «Полонию» (среди них – и «троякие русины» – *triplices Rutheni*), автор кратко представляет первых ее правителей – Леха, Крака и Ванду. Отметив, что с Вандой прервался род Крака, Ян Вислицкий обращается за помощью, чтобы продолжить рассказ о правителях «Полонии». Он просит поддержки у «древней Вести» («*Fama vetus*»), а также у Музы Каллиопы (I, 217–220). Фактически, поэт делает «Весть» десятой Музой, в очередной раз подчеркивая ее символическое значение в идейном замысле целого произведения. Неожиданно появляется Аполлон и советует поэту прервать поэтический рассказ из соображений его юного возраста (I, 234–235). Эту задачу Аполлон вознамерился переадресовать другим авторам, причем сформулировал своё намерение весьма своеобразно. Он заявляет, что другие поэты расскажут о тех королях, «*[...] coluit quos durus Sarmatha, sed tu / Sidream stirpem regis modulare Poloni, / Nec non fortis avi praestantia facta sui [...]*» («которых почитает суровый сармат; ты же воспевай божественного наследника польского короля и подвиги его могучего предка») (I, 252–255). Заметим, что в этих строках Ян Вислицкий противопоставляет названия

³¹ *Ibid.*, с. 12.

Sarmata – Polonus. Тем самым поэт стремится отделить Ягеллонов, правящих в современной ему стране («Полонии»), от их предшественников на троне – представителей династии Пястов, правителей полулегендарной Сарматии. Дело прославления сарматских королей Ян из Вислицы оставляет сарматским же поэтам. Неожиданным переходом от Ванды к Ягайло он хочет также выразить свою патриотическую позицию, согласно которой ключевые вехи истории Полонии связаны с эпохой правления Ягеллонов. Ведь именно они превратили первоначально моноэтническую страну в могущественную державу, которая в XVI в. стала занимать ведущие позиции на европейской арене. Сарматия была только далёким, «варварским» краем в представлении жителей Западной Европы (вот почему сармат заслуживает у поэта эпитет «*durus*» – «суровый, грубый»); Полония – цивилизованное государство. Европейские монархи – Габсбурги, Гогенцоллерны, Рюриковичи – считали выгодным и целесообразным объединить своих наследников династическим браком с Ягеллонами.

Почему всё же автор *Прусской войны* прервал поэтическую родословную правителей Польши, будто бы нарушая композиционную целостность произведения? Приведем здесь одно интересное литературоведческое сопоставление. В 1589 г. типография Виленской иезуитской академии выпустила сборник посвященных королю Сигизмунду III панегирических стихотворений, авторами которых были студенты Авраам Кшевский и Александр Раецкий. Первым в сборнике помещено стихотворение «*Sigismundum III, successorem suum reges Poloniae salutant*» («Короли Польши приветствуют своего наследника Сигизмунда III»). И перед читателем, в самом деле, выступают все польские правители: Лех, Крак, Ванда, Пшемьслав (Лешко I), Пяст и т. д. вплоть до Владислава-Ягайло и его наследников³².

³² Abrahamus Krzewski, Alexander Raiecki, *Serenissimo ac potentissimo principi Sigismundo III. Regi Poloniae Magnoque Duci Lituaniae, etc. etc.*

Примерно то же, на первый взгляд, должен был сделать Ян из Вислицы. Нарушение этой логики определенно связано с некоей особой художественной задачей, которую поэт решает при помощи необычного построения произведения. Такой сюжетно-композиционный ход, когда, завершив в первой книге *Прусской войны* рассказ о Ванде, вторую книгу поэт открывает рассказом о происхождении короля Ягайло, было бы слишком примитивно объяснять простой случайностью, а тем более – несовершенством поэтического мастерства (за что несправедливо упрекали поэта польские исследователи XIX–начала XX в.).

Глубинная сущность идейного замысла *Прусской войны*, которым объясняется необычный финал первой книги, была концептуально осмыслена В. Г. Коротким. «Как некогда единство Руси, – отмечает ученый, – воспринималось как единство княжеского рода Рюриковичей, так ныне единство государства народов Польской Короны и Великого Княжества Литовского воспринималось как наследственное право Ягеллонов на владение, а также обязанность защиты и сохранения этих земель. [...] Историческая аналогия напрашивается сама собой: как некогда Рюриковичи стали владеть державой Кия, Щека и Хорива с центром в Киеве, так и Ягеллоны – на землях Леха, Крака и Ванды с престолом в Кракове.»³³ Позже ученый добавил, что, «затрагивая династическую историю Польской Короны, Ян Вислицкий [...] сознательно обходит историю правления Пястов, которая не увязывается с его династически-государственной концепцией.»³⁴

faelicissimum et optatissimum Vilnam ingressum gratulantur [...]. Bonarum Artium in Academia Vilnensi Societatis Jesu studiosi, Vilnae: [Typis Academicis S. J.?], 1589, p. [3–14].

³³ Уладзімір Георгіевіч Кароткі, «Пісаў пра мінуўшчыну, думаў пра будучыню [...]», in: *Маладосць*, 1997, № 12, с. 91–92.

³⁴ Уладзімір Георгіевіч Кароткі, «Дзяржаўная і дынастычная гісторыя ў «Прускай вайне» Яна Вісліцкага», in: *Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе. Проблемы теоретической и исторической поэтики*, мат-лы междунар. научн. конф.: в 2-х ч, ч. 2, Гродно: ГрГУ, 2001, с. 263.

Интересно, что в *Австриаде* Р. Бартолини нашла художественное выражение «актуальная в то время в кругах Максимилиана идея *translatio imperii*.»³⁵ Фактически, в *Прусской войне* воплощена та же идея применительно к «сарматскому» региону. Таким образом, композиционное построение поэмы на макроструктурном уровне стало художественной иллюстрацией понимания династической преемственности в истории Польши.

В соответствии с задачей, поставленной «вдохновителем поэтов» Аполлоном, Ян Вислицкий в экспозиции второй книги презентует тот край, откуда происходит победитель в Прусской войне 1410 г., дед короля Сигизмунда – Ягайло. Это Великое Княжество Литовское – *Lithuania*. Но не только стремлением прославить родной край продиктовано начало второй (самой объёмной) книги *Прусской войны*. Ян Вислицкий поставил перед собой задачу «доказать право Ягайло и Ягеллонов на великокняжеские земли, поскольку во времена Сигизмунда I были весьма сильны сепаратистские настроения в Великом Княжестве Литовском.»³⁶ Вот почему поэту важно подчеркнуть: Ягайло, как и Витовт, происходит из Литвы, а значит, Ягеллоны (Ольгердовичи) – такие же полноправные наследники великого княжения, как и Кейстуовичи.

В начале второй книги *Прусской войны* Ян Вислицкий представляет тот край, откуда происходил основатель династии – король Ягайло. Среди народов, над которыми Ягайло установил свою политическую власть, поэт называет «*nomine Tartarico Nomades quos puncipat aetas*» («тех, с именем «татары», которых древность называет номадами»), «*Massagetas truces*» («суровых массагетов»), а также «*albos belli celebres virtute Ruthenos*» («белых русинов, славных военной доблестью»)

³⁵ *Ibid.*

³⁶ Уладзімір Георгіевіч Кароткі, «Дзяржаўная і дынастычная гісторыя [...]», с. 263.

(II, 18; 20; 22). «Albi Rutheni» Яна Вислицкого – это, конечно, не то же самое, что сегодняшние белорусы: этот термин употреблен поэтом для обозначения определенной части восточных славян, причем употреблен однократно. Под «белыми русинами» Ян Вислицкий, скорее всего, подразумевает жителей того самого региона, который позже определял как «Alba Russia» («Белая Русь») Пауль Одерборн: «Polocia [...], Soccolia, Czussa, Turobla et aliis Albae Russiae oppidis [...] Germani omnes [...] dimissi sunt» («Из Полоцка [...], Сокола, Чусы, Туровли и других городов Белой Руси [...] все немцы [...] были отпущены») ³⁷. Видимо, приблизительно через эти города, упомянутые немецким писателем-священником конца XVI в., проходила западная граница этнической Белой Руси. Соответственно, «белых русинов» Яна Вислицкого следует отождествлять с жителями сегодняшнего белорусско-российского пограничья.

Почему же Ян Вислицкий ограничил этнический состав ВКЛ тремя названными народами? Ответ на этот вопрос возможно дать лишь исходя из целостного идейно-художественного замысла автора. В экспозиции первой книги поэт представил традиционную для античной поэзии поэтическую панораму «orbis terrarum» («земного пространства»), ниже – «orbis Poloniae» («пространства Полонии»), подвластных Ягеллонам земель. Вторая же книга открывается презентацией «orbis Lithuaniae» («пространства Литвы») – того края, откуда происходит основатель новой королевской династии, Ягайло. В самом деле, «номады» (татары) – жители южных границ этого государства, «массагеты» (жемайты) населяют ее северо-западные пределы, а «белые русины» – земли на востоке ВКЛ. Вот почему при первой презентации «этнического сообщества» поэт выбирает именно

³⁷ Paulus Oderbornius, *De russorum religione, ritibus nuptiarum, funerum, victu, vestitu etc. et de Tartarorum religione ac moribus vera et luculenta narratio*, ad d. Davidem Chytraeum recens scripta [...], [Rostochiae]: Excudebat Stephanus Myliander, 1582, p. [2].

те народы, которые живут в приграничных регионах государства – он словно обводит взором границы державы, подчеркивая таким образом обширность ее территории.

После экскурсии в историю миграции тевтонцев (из Иерусалима в Пруссию) поэт рассказывает о подготовке к войне и подробно описывает состав вражеского войска. Упомянув жителей прирейнского края, «народы Габриты и Густолистой Луны», гельветов и фризов, свевов и британцев, автор подводит итог: «Tota fuit Germania, tota potentia plebis, / Quae fert esse suum Germano sanguine cretum» («Это была вся Германия, вся сила народа, который связывал своё происхождение с германской кровью») (II, 112–113). Многочисленное тевтонское войско объединяет один существенный фактор – германская кровь. Именно это обстоятельство более всего беспокоит поэта. Вот почему во второй книге вновь появляется Весть (*Fama*), призывая как аристократов, так и простолюдинов «*tutari agros*» («защитить [родную] землю») (II, 121). Вслед за нею «*rex pius atque potens*» («благочестивый и могучий король») собирает в войско «*audaces gentes [...], quas ditione sua tenuit rexitque per omnem Sarmatiam*» («отважные народы, которых он подчиняет своей власти и [которыми] правит во всей Сарматии») (II, 128–130), в том числе и те народы, которыми «*praetulit [...]* frater Vitoldus» («предводительствует брат Витовт») (II, 132–133). Таким образом, уже на этапе описания подготовки к битве Ян Вислицкий формирует представление о «священной войне», которой стала в истории Прусская война 1410 г. Король здесь, таким образом, выступает как объединитель и духовный вдохновитель народа. Позже, в связи с угрозой со стороны Османской империи, тема врага, стремящегося насадить «чужую кровь», приобретет особую актуальность в новолатинской поэзии Беларуси. Николай Гуссовский в своей знаменитой «Песне о зубре» будет обращаться к европейским народам с призывом объединиться против

общего врага – иноверного и инородного. В *Прусской войне*, таким образом, отражено традиционное народное отношение к крестоносцам как к врагам и чужакам, воспринятое поэтом, скорее всего, из устно-поэтических памятников, посвященных Грюнвальдской битве.

Итак, великий князь Витовт появляется во второй книге героической поэмы как бы «в тени» короля Ягайло. Поэт, называя великого князя «*fulmen belli*» («молния войны») (II, 131), рассказывает, что он собрал в своё войско «*letifero Russos pugnare paratos arcu*» («руссов, готовых стрелять из смертоносного лука»), «*Nomades diros*» («диких номадов»), «*Massagetas ad arma nimis crudelia promptos*» («массагетов, готовых к самым жестоким сражениям») (II, 136–142). Видя в составе войска Витовта представителей разных народов, Ян Вислицкий всё же акцентирует внимание на их объединении в одно целое для борьбы с общим врагом. Так, обращаясь к Витовту, поэт называет его ратников «*multa agmina tuae gentis*» («многочисленные полки твоего народа») (II, 221). «Народ Витовта» – это не представители определенной этнической группы, а все подданные великого князя. Интересно, что в своей речи, обращенной к Ягайло, Витовт противопоставляет «*nostros phalanges*» («наши отряды») и «*tuos Polonos*» («твоих поляков») (II, 239–244). Тем самым еще раз подчеркивается наличие двух вождей в судьбоносной битве с крестоносцами.

Вторая книга *Прусской войны* раскрывает сущность авторского замысла: представить «*fata duelli*» – «судьбы войны». «*Fata*» – это не то, что занесли в свои манускрипты старательные летописцы, не подробные исследования историков – с именами, цифрами, фактами, реальными высказываниями реальных участников событий. Это – народная память о великой победе; это то, что передается из поколения в поколение тогда, когда стирается всё несущественное, когда остается «*fama felix*» («счастливая

весть»), очищенная в реке времени, словно золото в огне. Поэт не стремится к созданию поэтической интерпретации реальных событий. В целом, его отношение к истории соответствует традициям христианской культуры Средневековья, где история в первую очередь «была *magistra vitae*, наставницей жизни, так что из нее можно было черпать поучения относительно надлежащего образа жизни.»³⁸ По замыслу Яна Вислицкого, сама история должна преподать надлежащий урок правителям всех государств Центральной и Восточной Европы. Именно поэтому он обращается к событиям столетней давности и именно поэтому во второй книге *Прусской войны* немного имен, отсутствует фактография (она компенсируется ретардациями в стиле античного героического эпоса), не разграничивается история и легенда при описании битвы. За это и упрекали поэта польские ученые. Но дело в том, что Ян Вислицкий сознательно избегает сугубо исторических описаний. Э. Ульчинайте справедливо заметила, что поэт «больше интересуется художественная и патриотическая правда, нежели документальная.»³⁹ В основе его поэтической палитры – соцветие литературных и устных народных преданий о войне с тевтонцами.

В соответствии с народными представлениями (отраженными в фольклорных памятниках) Ян Вислицкий функционально разводит двух правителей, возглавлявших союзные войска, – Ягайло и Витовта. Ягайло – *rex divus* («божественный король»), вдохновитель войска. Эпитет «*divus*» («божественный») сюжетно оправдан тем пророческим видением с предсказанием победы, которое получил Ягайло. Поэтому под пером поэта он

³⁸ Jana Nechutová, *Latinská literatura českého středověku do roku 1400*, Praha: Vyšehrad; Typography Clara Istlerová, 2000, s. 64.

³⁹ Eugenija Ulčinaitė, „Literatura łacińska“, in: *Kultura Wielkiego Księstwa Litewskiego: Analizy i obrazy*, oprac. V. Ališauskas, L. Jovaiša, M. Paknys etc., przekład P. Bukowiec, B. Kałęba, B. Piasecka, Kraków: Towarzystwo Autorów i Wydawców Prac Naukowych UNIVERSITAS, 2006, s. 285.

приобретает ореол святости. Попытку короля разрешить конфликт с тевтонцами бескровно, его мирные предложения врагам мотивированы тем, что

[...] regis in egregio pulcherrima corde
Virtus, tum probitas et fervor pacis honestae,
Et pietas super audaces gratissima Prussos
Canduit [...]. (II, 145–148)

([...] в благородном сердце короля сияла прекраснейшая добродетель, а также искренность, горячее желание достойного мира и величайшее благочестие по отношению к отважным пруссам [...].)

Процитированный фрагмент наглядно демонстрирует, какой трансформации подвергся идеал эпического героя: если в античных эпопеях герой в первую очередь «*καλός και αγαθός*» («прекрасный и добродетельный»), то в эпопеях Нового времени закрепляется героический идеал, постулированный Исидором из Севильи (VI–VII в.) – «*fortitudo et sapientia*» («сила и мудрость») ⁴⁰. Ягайло не просто мудро продумал ход битвы под Грюнвальдом: ведя войско в бой, он сам сражается в первых рядах и ведет за собою отряды (см.: II, 320–321). «Силу и мудрость» героя дополняет его «*pietas*» («благочестивость»): Ягайло получает счастливое предсказание о предстоящей победе от святого Станислава. Чтобы отдельно прославить многочисленные добродетели своего героя, поэт завершает вторую книгу панегириком-«славой» ему.

В. Дорошкевич писал: «Если сильно идеализированный Ягайло «принял» на себя «пацифизм» поэта, его активное неприятие войны, то в образе Витовта воплотилась такая не менее важная черта гуманизма Яна из Вислицы, как деятельный

⁴⁰ Teresa Michałowska, „Epika”, in: *Słownik literatury staropolskiej, (Vademecum Polonisty)*, pod red. T. Michałowskiej, Wrocław [i in.]: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1999, s. 209.

патриотический пафос, верность поэта традициям народного свободолюбия и воинской доблести.»⁴¹ Белорусский ученый метко охарактеризовал представленную в идейном замысле поэмы оппозицию: Ягайло – *dux pacis* (вождь мира), Витовт – *dux belli* (вождь войны). На этот художественный феномен *Прусской войны* обратила внимание также Э. Ульчинайте⁴². Ян Вислицкий также своеобразно интерпретирует зафиксированное в «Хронике Польши» Мацея Меховского⁴³ предание о двух окровавленных мечах, присланных тевтонцами как символ объявления войны. Автор *Прусской войны* указывает, что окровавленные мечи были присланы только королю Ягайло, а не Ягайло и Витовту. Это, как указывает В. Короткий, связано с тем, что «Ян Вислицкий рельефно очерчивает взаимоотношения Ягайло и Витовта как сюзерена и вассала.»⁴⁴ Поэт намеренно подчеркнул в начале второй книги, что Ягайло происходит из Великого Княжества Литовского. Он – законный правитель обоих государств, правопреемник как великокняжеской, так и королевской власти. В художественном же пространстве *Прусской войны* Ягайло – главное действующее лицо, и основной (батальный) сюжет второй книги разворачивается именно вокруг него.

Особое авторское видение отношений двух братьев – Ягайло и Витовта – хорошо демонстрирует один из эпизодов Грюнвальдской битвы, описанный во второй книге *Прусской войны* (II, 235–257). Этот эпизод основан на известном историческом

⁴¹ Віктар Іванавіч Дарашкевіч, «Мастацкі помнік Грунвальду», in: *Помнікі гісторыі і культуры Беларусі*, 1975, № 3, с. 58.

⁴² Eugenija Ulčinaitė, „Literatura neolacińska jako świadectwo litewskiej świadomości państwowej i narodowej”, in: *Łacina w Polsce: Zeszyty naukowe*, z. 1–2: *Między Slavia Latina i Slavia Orthodoxa*, pod red. J. Axera, Warszawa: OWA, 1995, s. 30.

⁴³ Mathias de Mechovia, *Chronica Polonorum*, Cracoviae: per Hieronymum Vietorem, 1521, p. CCLXXIX.

⁴⁴ Уладзімір Георгіевіч Кароткі, «Дзяржаўная і дынастычная гісторыя [...]», с. 263.

предании, которое отражено, к примеру, в *Хронике Быховца*⁴⁵. Речь идет о своеобразном конфликте между Ягайло и Витовтом. Великий князь после поражения первой атаки своего войска приходит в стан короля и убеждает его прийти на помощь. Король в это время участвует в богослужении. Витовт упрекает брата за промедление, отмечая несвоевременность мессы. Однако Ягайло решительно отказывается вступить в битву до окончания литургии и повелевает Витовту сдерживать наступление тевтонцев. Соответствующее предание зафиксировано и в *Хронике Яна Длугоша*. Согласно версии польского историка, во время литургии к королю Ягайло пришел сначала шляхтич Ганэк, затем – шляхтич Дерслав Властовский, затем еще четверо шляхтичей с сообщениями о том, что враг подходит всё ближе и ближе. Только после них, согласно Длугошу, появился князь Витовт с настойчивыми просьбами завершить богослужение и направить польское войско в битву⁴⁶. Ян Вислицкий пересказывает данный эпизод не по *Хронике Длугоша*: его версия совпадает с той, которая зафиксирована в *Хронике Быховца*. Такой выбор поэта, скорее всего, следует объяснить задачами создания поэтического эпоса. Обращаясь к королю, автор стремится изобразить его монументально, в соответствии с требованиями жанра. Вот почему поэт выбрал тот вариант предания о споре Витовта с Ягайло, где отсутствуют «лишние» персонажи, а Витовт появляется только на короткий момент.

Для художественного воплощения «славы» Ягайло Ян Вислицкий прибегает к приему «не-сопоставления» с известными героями античности. Этот приём приобрел популярность в

⁴⁵ *Хроника Литовская и Жмойтская*, in: *Полное собрание русских летописей*, т. 32: *Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца; Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного*, отв. ред. Б. А. Рыбаков, сост. и ред. тома Н. Н. Улащик, Москва: Наука, 1975, с. 150–151.

⁴⁶ Jan Długosz, *Bitwa Grunwaldzka (z Historji Polski)*, opracował dr. Jan Dąbrowski, Kraków: Nakładem krakowskiej spółki wydawniczej, [1920], s. 92.

эпике позднего Ренессанса (скажем, в поэме *Δεκαήροσ ἀρχαίμα το ιεστ Δεσięсiоrосznа powieść woіennуch spraw [...] Pana Krуsztofa Radziwiła* (1585) Андрея Рымши, в *Радзивиллиаде* (1592) Яна Радвана), а в творческой лаборатории поэта начала XVI в. выглядит скорее художественным новаторством. Ведь поэты раннего Ренессанса чаще одаривали своих героев шлейфом пышных сравнений с Ахиллом, Ганибаллом или Цезарем. Ян Вислицкий, напротив, обращается к античным городам, в которых родились знаменитые герои, с просьбой не приравнивать к королю-победителю своих героев (II, 505–508). В «Стихотворении, побуждающем Музу магистра Павла Русина [...]», включенном в издание *Прусская война*, Ян Вислицкий поэтически обыграл мотив «genii loci» («гения места»), прославляя своего учителя и место его рождения – Кросна. Теперь, восхваляя Ягайло, деда короля Сигизмунда I, поэт стремится сформировать представление о том, что этот герой – своего рода «genius rei publicae» («гений государства»), его хранитель, избранный свыше. Под его руководством был дан решительный отпор самому опасному врагу, угрожавшему многим народам. Использованием художественного приема «не-уподобления» короля Ягайло героям античности «поэт подчеркивает государственное, а не местно-патриотическое значение подвига короля [...]. Он не только защитник, он – основатель новой королевской династии, нового федеративного государства.»⁴⁷

Последняя часть поэмы открывается «олимпийским планом»: боги собираются вместе по приказу Юпитера. В античном героическом эпосе сцена совета богов на Олимпе давала толчок для динамического развертывания сюжета (как в *Одиссее*, которая непосредственно после изложения «аргумента» открывается этой сценой) либо помогала автору решить сложную коллизию

⁴⁷ Уладзімір Георгіевіч Кароткі, «Дзяржаўная і дынастычная гісторыя [...]», с. 263–264.

(например, исход войны рутулов с троянцами в десятой книге *Энеиды*). Подобную сложную ситуацию должны разрешить олимпийцы в *Прусской войне*: Юпитер совещается с богами, кого отдать в жены седовласому королю Ягайло. М. Брожек считает эту сцену из *Прусской войны* результатом формального следования Яна Вислицкого поэтической школе учителя, Павла из Кросно, а именно его «Эпиталамиону» на бракосочетание Сигизмунда I и Барбары. «В обоих произведениях инициатором брака выступает Юпитер, посланником – Меркурий»⁴⁸, – отмечает ученый. Но эту общую мифологическую схему автор *Прусской войны* наполняет совсем иным содержанием: в «олимпийский план» вводится династическая проблема. Композиционная специфика произведения помогает поэту раскрыть его идейный замысел. По необъятным земным просторам летит «счастливая весть» о великой победе под Грюнвальдом, и главный победитель – тот, кто является преемником власти в Сарматии, установленной еще Лехом, Краком и Вандой. Он – вечная слава и гордость своего народа, лучше сказать – многих народов, завоевавших векопаметную победу над крестоносцами. Все эти народы признают над собой власть короля Ягайло. То, что вопросом о наследнике трона озабочены сами олимпийцы, служит знаком неординарности героя и ситуации. Таким образом, композиция поэмы соответствует творческой установке Яна Вислицкого и, как справедливо заметил А. Брандовский, выявляет его «особые симпатии к династии Ягеллонов»⁴⁹. Этот субъективный фактор дополняется также рядом объективных причин, повлиявших на художественное своеобразие поэмы.

⁴⁸ Mięczyśław Brożek, „Epitalamia Zygmuntowskie”, in: *Łacińska poezja w dawnej Polsce: Praca zbiorowa*, pod red. T. Michałowskiej, Warszawa: Wydawnictwo Instytutu Badań Literackich, 1995, s. 48.

⁴⁹ Alexander Brandowski (rec.), „Dr. Bronisław Kruczkiewicz, docent Uniwersytetu Krakowskiego. O Pawle z Krosna i Janie z Wiślicy”, in: *Warta*, 1886, nr 11, s. 5401.

Почему Ян Вислицкий надеялся, что победа столетней давности заинтересует современных ему читателей, а его поэма обратит на себя внимание короля Сигизмунда I? Ответ на этот вопрос дал Ю. Новак-Длужевский, отметив, что поэму, формально посвященную победе под Грюнвальдом, автор написал после победы под Оршей, к тому же в период весьма напряженных отношений с орденом крестоносцев⁵⁰. Политические условия того времени весьма обобщенно можно обрисовать следующим образом. После заключения Торуньского соглашения в 1466 г. Тевтонский орден признал себя ленником Польского Королевства, а территория Пруссии стала частью государства Ягеллонов. Однако в начале XVI в. ситуация в этом регионе вновь обострилась, как пишет М. Бискуп, из-за вмешательства в прусские дела, с одной стороны, папской курии, с другой – императора Максимилиана Габсбурга. Последний разрешение вопросов, касающихся прусских владений Ордена, «понимал, главным образом, как инструмент в большой игре с польско-чешскими Ягеллонами за первенство в Центральной Европе, не только над Вислой и Преголой, но также над Влтавой и Дунаем, в борьбе за Чехию и Венгрию.»⁵¹

Именно в 1515 г., когда Ян Вислицкий писал *Прусскую войну*, магистр Ордена Альбрехт фон Гогенцоллерн-Ансбах перешел к политике поиска союзников в уже запланированном вооруженном конфликте с Сигизмундом I. Основные надежды магистр возлагал на Великого князя Московского Василия III. В этой ситуации Ян Вислицкий, горячий патриот своего Отечества, во-первых, стремился показать, что только при условии все-народного объединения – как это было при Ягайло и Витовте

⁵⁰ Juliusz Nowak-Dłużewski, *Okolicznościowa poezja polityczna w Polsce: Czasy Zygmuntołskie*, Warszawa: Pax, 1966, s. 59.

⁵¹ Marjan Biskup, „*Wojna Pruska czyli wojna Polski z zakonem krzyżackim z lat 1519–1521 u źródeł sekularyzacji Prus Krzyżackich*”, cz. 2, Olsztyn: „Pojezierze”: OBN, 1991, s. 21.

под Грюнвальдом, как это было всего год назад под Оршей – возможно одолеть даже самого грозного врага. Во-вторых, он хочет предупредить крестоносцев, напомнить им, к чему привела тевтонцев сто лет назад чрезмерная гордыня магистра Ульрика фон Юнгинген, бездарно расставшегося с жизнью на поле Грюнвальда. В-третьих, он весьма прозрачно, с исключительной тщательностью даёт в третьей книге *Прусской войны* ответ на вопрос, «кто в доме (т. е. в государстве) хозяин». Созданный им необычный композиционный каркас *Прусской войны* выступает ярким художественным воплощением того, как Королевство Польское и Великое Княжество Литовское стали *de facto* единым сильным государством в результате заключения династического брака. Символ политического объединения двух государств в поэме *Прусская война* – брак короля Ягайло и княжны Софьи из рода белорусских князей Гольшанских.

Ян Вислицкий – пожалуй, первый, если не единственный среди поэтов эпохи Ренессанса, кто воспел королеву Софью в поэтическом эпосе. Искусственно созданная благодаря политическим интригам великого князя Витовта дурная слава королевы (которая, кстати, так и не была доказана ни в тенденциозном, изобилующем ошибками пасквиле Энея Сильвия⁵², ни в *Историях* Длугоша и Кромера), видимо, заставляла молчать Музу иных поэтов той эпохи в отношении четвертой жены короля Ягайло. После Яна из Вислицы только в конце XVI в. Симон Пекалид, придворный поэт князей Острожских, в своей поэме *De bello Ostrogiano (Об Острожской войне)* (Краков, 1600), рассказывая о князьях друцких, прославляет Софью и ее отца, киевского князя Андрея Ивановича⁵³.

⁵² См.: Ludwik Finkel, „Studia nad dynastyą Jagiellońską. I. Królowa Zofia”, in: *Sprawozdania z czynności i posiedzeń Akademii Umiejętności w Krakowie, rok 1904*: Wydział historyczno-filozoficzny, nr 4, s. 7.

⁵³ Simones Pecalides, *De bello Ostrogiano ad Piantcos cum nisoviis, libri quatuor*, [...] Cracoviae: In Officina Andreae Petricovii, 1600, p. [19].

В поэме *Прусская война* королева Софья заслуживает буквально обожествления. Вот что рассказывает о ней олимпийским богам Венера:

Est mihi nympha Ruthenorum speciosa sub orbe,
Nympha puellarum pulcherrima, nympha dearum,
Terricolae Zophiam proprio quam nomine dicunt,
Omnes quae priscas heroidas atque puellas
Praestat in oris honore sui et sermonis amati. (III, 77–81)

(Есть у меня прекрасная нимфа в краю русинов; нимфа, самая красивая среди девушек, нимфа, [самая красивая] среди богинь. Соотечественники называют ее характерным именем – Софьей. Своим красноречием и любовью к слову она превосходит всех героинь и женщин прежних времен.)

В этой поэтической характеристике очень мало идеализации. Ян Вислицкий обращает внимание на то, что королева названа «*rgorio nomine*» («характерным именем»): ведь имя София происходит от греческого существительного *σοφία* – «мудрость». В самом деле, согласно исследованиям префекта библиотеки князей Залуских Е. Д. Яноцкого, Софья Гольшанская, выходя замуж за Ягайло «*ferè ineunte*» («едва достигнув совершеннолетия») в 1422 г., получила, тем не менее, «основательную подготовку в области гуманитарных наук», в связи с чем, видимо, и «была чрезвычайно благосклонна и щедра по отношению к профессорам и юным школярам Краковской Академии.»⁵⁴ Мишель, профессор из Парижа, некоторое время работавший в Кракове, посвятил ей свои комментарии к книге *Руфь*. Будучи уже вдовой, около середины XV в., королева Софья руководила грандиозным филологическим проектом. Под ее опекой Анджей из Яшовиц, теолог Краковского университета, переводил текст Библии

⁵⁴ [Jędrzej Daniel Janocki], *Janociana sive Clarorum atque illustrium Poloniae auctorum mecenatumque memoriae miscellae. Nunc primum e Codicibus, Biblioth. Publ. Vars. edidit S. T. Linde, Varsaviae: Typis Collegii Scholarum Piarum, [1819], s. 308–309.*

Ветхого и Нового Заветов на польский язык «*e veterrimo exemplari slavonico*» («с древнейшего славянского экземпляра»), а Пётр из Радошиц переписывал этот перевод на чистые листы бумаги⁵⁵. Е. Д. Яноцкий писал здесь о так называемой *Библии королевы Софьи* или *Библии Шарошпатацкой* и, к сожалению, уже он констатировал, что никто из его современников не смог отыскать этот книжный раритет⁵⁶. Но, кроме того, библиограф указывал, что в библиотеке Краковского университета хранятся письма королевы Софьи к Папе Евгению IV, кардиналу Юлиану (папскому нунцию при Владиславе, короле Польши и Венгрии), к Папе Николаю V, к епископу Бернарду (папскому нунцию при Казимире III, короле Польши и Великом князе Литовском), к венгерским вельможам, мазовецкой княгине Александре, плоцкому епископу Павлу, а также профессорам Краковского университета⁵⁷.

Эпизод третьей книги *Прусской войны*, посвященный свадьбе Ягайло и Софьи, – логическое продолжение «славы» победителя Ягайло в конце второй книги. Мудрый король, божественный избранник, заслужил такую же мудрую жену (кстати, три предыдущие жены короля, в том числе и знаменитая Ядвига, в поэме даже не упоминаются), также божественную избранницу. Род Ягеллонов, таким образом, продолжается по воле небожителей. «Олимпийский план» третьей книги *Прусской войны*, по замыслу автора, должен опровергнуть все наветы злобных завистников. Сами олимпийские боги предназначили Софье ее счастливую судьбу – и никто не может сомневаться в правильности их решения. По замыслу олимпийцев, Софья Гольшанская, став королевой, родила

⁵⁵ *Ibid.*, s. 309.

⁵⁶ В наше время исследования, посвященные *Библии королевы Софьи*, продолжают. Так, самую новую научную информацию о сохранившихся фрагментах этой Библии представила заместитель директора Библиотеки Литовской Академии наук им. Врублевских в Вильнюсе Римма Циценене в своем докладе на конференции «*Dangiškieji globėjai, žemiškieji mecenatai*» (Вильнюс, 13 мая 2010 г.).

⁵⁷ *Janociana*, s. 309–310.

королю трех сыновей, двое из которых – Владислав и Казимир – стали наследниками трона. Династическая проблема решается, таким образом, на самом высоком уровне. Еще в словах Юпитера, которые передал королю Ягайло Меркурий, сформулирован достойный ответ на имперские амбиции Альбрехта Гогенцоллерна:

Qui patriam rector succedet prosper ad aulam,
Is Casimirus erit, longus victurus in annos. [...]
At qui Pannonicas gentes reget atque Polonas,
Ladislaus erit, belli fragor horridus acri. (III, 105–106; 112–113)

(Тот, кто получит в наследство королевскую власть как правитель в [своем] Отечестве, – это будет Казимир, он будет жить долгие годы. [...] А тот, кто будет править паннонским и польским народом, – это будет Владислав, неукротимая буря суровой войны.)

Тем самым автор доказывает, что никаких иных правителей в государстве, кроме наследников Казимира Ягайловича нет и быть не может (поскольку Владислав Ягайлович погиб молодым в битве под Варной, не оставив наследников, а другой Казимир умер в детском возрасте).

По-видимому, Ян Вислицкий знал о попытках тевтонцев найти поддержку у московского князя. Является ли Василий III надежным военным союзником, легко можно понять из следующих строк, обращенных к королю Сигизмунду I:

Illo septembri, quo victricem retulisti
Fronte tua laurum, pessumdans agmina magni
Multa ducis Scythici, dives spoliis et opimis
Cum tot mancipiis belli vexilla ferendo
Ad tua Lithuanae praestantia moenia Vilnae. (*Bellum*, III, 251–255)

(А в том самом сентябре, когда ты возложил победные лавры на своё чело, ты, богатый военными трофеями и оружием, победил многочисленное войско великого князя Скифии, доставляя военные хоругви вместе с большим числом пленным к высоким стенам литовской Вильни.)

В финале *Прусской войны* король прославляется в первую очередь как «victor celebris patriae pater atque Poloniae» («славный победитель и отец польского Отечества») (III, 256). Третья книга и вся поэма завершаются величественным панегириком автора монарху-современнику, который наделяется эпитетами наивысшей степени сравнения, – как Ягайло в финале второй книги. Такой финал на формально-художественном уровне содействует формированию кольцевой композиции поэмы, что придает ей особую гармоничность и соразмерность. Среди пожеланий королю есть и такое:

Threiciusque sinu applaudet tibi Bosphorus arcto,
Per facilem tribuens Byzantia jugera Martem
Vincere, Turcaicis longum possessa ministris. (*Bellum*, III, 268–270)

(Пусть перед тобой плещется узким заливом фракийский Босфор, позволяя (тебе) победить в легкой войне византийскую землю, давно ставшую владением турецких священнослужителей.)

Эти слова не следует воспринимать как поэтическое обоснование имперской захватнической политики. Это, как указывает В. Короткий, «мифологически-историческое оправдание права Ягеллонов не только на земли восточных славян, но и на византийское владычество», поскольку Софья Гольшанская «была православной и происходила из рода киевских князей, которые вели своё происхождение не только от легендарного Рюрика, но через жену Владимира Анну – и от византийских императоров.»⁵⁸ В подобной расстановке акцентов ощущается убежденность поэта в том, что укрепление позиций династии Ягеллонов на европейской арене обеспечит и политическую стабильность в государстве.

Только с учетом идеологически-династического подтекста может быть расшифрована художественная загадка Яна из Вислицы

⁵⁸ Уладзімір Георгіевіч Кароткі, «Пісаў пра мінуўшчыну, думаў пра будучыню [...]», с. 92.

под названием *Прусская война*. Эта поэма, словно величественная египетская пирамида, основанная изначально на массивном фундаменте исторической ретроспекции, в центре которой – битва под Грюнвальдом и вождь победившего войска король Ягайло, в конце концов сходится в одной вершине – фигуре Сигизмунда I. Таким образом, династия Ягеллонов, – альфа и омега идейного замысла эпопеи. Фигура Сигизмунда I фактически не вводится в образный план поэмы, она остаётся статичной в панегирических хитросплетениях изящной словесности автора. Но многочисленные invocatioны поэта к королю (начиная с самой первой, во втором гекзаметре поэмы), упоминания о нем в разных книгах *Прусской войны* подспудно и незаметно для читателя выявляют идейную доминанту поэмы – прославление и апология династии Ягеллонов как наследных правителей «Европейской Сарматии». Сигизмунд I, как и Ягайло, способен достойно проявить себя в военных делах. Доказательство тому – победа под Оршей. Вместе с тем, как и Ягайло, Сигизмунд I – «dux pacis» («вождь мира»). Предлагая королю в финале поэмы объединить под своей властью далёкие и близкие народы, автор резюмирует:

Et sic Augusto feliciter omnia rege
Vivent, armorum tonitru procul orbe recluso
Sarmatico, gladios tribuendo vomeri acutos
Thoracas simul et galeas, rubini aduncas. (*Bellum*, III, 273–276)

(И таким образом пусть все живут счастливо при августейшем короле, прогнав прочь из сарматского края бряцание оружия. И пусть они перекуют на орала острые мечи, а вместе с ними доспехи и шлемы, покрытые ржавчиной.)

Подчеркивая историческое значение победы под Грюнвальдом, автор разворачивает своеобразную поэтическую карту, на которой представлены те страны и народы, которые имели отношение к этому событию, либо те, которых затрагивали политические

интересы Ягеллонов. При этом автор не ограничивает себя узконациональными взглядами, хотя идейная доминанта поэмы тесно связана с его патриотическими чувствами. Первоначальная установка автора на возрождение полузабытой славы Грюнвальдской битвы и подвига соотечественников самым прямым образом повлияла на композиционную специфику произведения. Образ-мотив «*fama*» («весть») становится организующим началом поэмы на сюжетно-фабульном уровне. *Прусская война*, по замыслу автора, должна восприниматься как поэтическое эхо «невыразимой славы» Грюнвальдской битвы. Подвиги короля Сигизмунда I отзываются эхом подвигов короля Ягайло, а «*fama felix*» («счастливая весть»), как и раньше, укрепляет боевой дух народа и служит напоминанием для заносчивых и слишком самоуверенных врагов.

Поэма *Прусская война* стала важным литературным фактом, повлиявшим, на наш взгляд, на формирование соответствующего «горизонта ожиданий» (термин Ханса Роберта Яусса⁵⁹) в первую очередь у читателей ВКЛ. Династический компонент продолжал сохранять свою актуальность в процессе дальнейшего развития эпической поэзии в XVI веке. Это нашло отражение в творчестве Иоганна Мюлиуса из Либенроде (Тюрингия), который в период с 1562 по 1564 гг. исполнял обязанности придворного учителя и поэта у князя Григория Александровича Ходкевича. Иоганн Мюлиус – автор объёмной (более тысячи гекзаметров) поэмы *Ιερωνικων [libri duo] (Гизроники [в двух книгах])*. Первая часть эпопеи, посвященная императору Максимилиану, воспекает древнееврейских царей и судей, сражавшихся с врагами Отечества – Авраама, Иисуса Навина, Эгуда, Самегара, Барака, Гедеона и т. д. Вторая часть *Гизроник* посвящена королю Сигизмунду II Августу, и в ней, отталкиваясь от героической истории древней

⁵⁹ Hans Robert Jauss, *Literaturgeschichte als Provokation der Literaturwissenschaft*, Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1970, S. 177.

Иудеи как от христианского топоса, поэт изображает царей-героев нового времени: императоров Константина Великого, Валентиниана, Грациана, Гонория, Карла Великого и т. д. Среди властелинов Европы – также представители династии Ягеллонов: Владислав Ягайлович, Ян Альберт и Сигизмунд Первый. Пример героических предшественников, отважно сражавшихся с чужеземными агрессорами, должен был вдохновить короля Сигизмунда II Августа на противостояние новому врагу. Это – «*insanum furii ingentibus agmen finibus e Scythicis*» («ужасное, безмерно жестокое войско из скифских пределов»)⁶⁰ – московиты.

В эпической поэзии ВКЛ нашел отражение тот огромный энтузиазм, с которым было воспринято воцарение Стефана Батория. Подобно тому, как Ян Вислицкий завершил *Прусскую войну* «славой» королю Сигизмунду, внуку великого Ягайло, так в конце *Панегирика на взятие Полоцка* (1580) Василия Гиацинта звучит «слава» Стефану Баторию. При этом, как Ян Вислицкий надеялся, что во времена Сигизмунда Первого «*advenient Saturnia regna*» («наступит век Сатурна») (III, 277), т. е. «золотой век», так и Василий Гиацинт восклицает:

Quis te Vitoldum quis te nobis Jagellum
Afflictis bone Rex caelo demisit ab alto?
Ferrea quo cessant, quo surgunt aurea regno
Secla, cadit tumidus quo deuincente Tyrannus.⁶¹

(О добрый король, кто послал к нам, павшим духом, тебя, Витовта, тебя, Ягайло? С тобой в державе завершается железный и начинается золотой век; побежденный тобой, падает горделивый тиран.)

⁶⁰ Mylius, *Poemata*, [...], [s. l.]: Cum Gratia et Privilegio Caesareo, 1568, p. 92 n. n.

⁶¹ Basilius Hyacinthius Vilmensis, *Panegyricus in excidium Polocense atque in memorabilem victoriam Stephani invictissimi Poloniarum Regis Magnique Ducis Lituaniae ex potentissimo Moschorum Principe III. Cal. Septemb. MDLXXIX reportatem* [...], Patavii: Apud Laurentium Pasquatium, 1580, p. 44 n. n.

Образ «совершенного героя» – короля – создаёт и Франтишек Градовский в поэме *Описание московского похода [...] Христофора Радзивилла* (1582). Говоря о наступлении эпохи Стефана Батория, автор использует известный образ Вергилия (*Ecl. IV, V*) «novus ordo seclorum» («новый порядок веков») ⁶². Устами гетмана Николая Радзивилла поэт высказывает надежду, что при новом правителе «iustitiae tunc stabit honos, priscamque resument / sanitiem leges» («укрепится слава правосудия, и законы вновь приобретут прежнюю седину»). Уподобляя короля афинскому законодателю Солону, поэт уверен в том, что «latebris educere verum / incipiet» («он начнет выводить правду из мрака») ⁶³. Восхищение военными успехами Стефана Батория (в особенности взятием Пскова в 1581 г.) было столь велико, что «борусс» Даниэль Германн в 1582 г. издал в Гданьске две книги поэмы *Stephaneis Moschovitica* (*Московская Стефанеида*). Название этого произведения свидетельствует о том, что оно было задумано как историко-династическая эпопея наподобие *Прусской войны Яна Вислицкого* либо *Австриад* Бартолини и Мюнзингера.

Надеждам поэтов-эпиков не суждено было оправдаться: Стефан Баторий умер, не оставив наследников, в 1586 г. Но в латиноязычных *carminibus maioribus* авторов ВКЛ по-прежнему активно востребованной оставалась династическая тема. Как историко-панегирический эпос в честь великого гетмана Николая Радзивилла может быть идентифицирована героическая поэма «Радзивиллиада» (1592) Яна Радвана. Не исключено, что на творческий замысел этой эпопеи оказал определенное влияние художественный опыт Яна Вислицкого. Победа в Ульской битве 1564 г. и другие виктории, одержанные под его командованием,

⁶² Franciscus Gradovius, *Hodoeporicon Moschicum illustrissimi principis ac domini, domini Christophori Radivilonis [...]*, Vilnae: Typis [...] d. Nicolai Radivilonis, [...] per Daniele Lancicum, 1582, p. 11 n. n.

⁶³ *Ibid.*

представлены в *Радзивиллиаде* как такой же *omen faustum* для всех потомков рода Радзивиллов, каким была Грюнвальдская битва для короля Ягайло и всех позднейших представителей основанной им династии. Сопоставление отдельных фрагментов *Прусской войны* и *Радзивиллиады* указывает на то, что авторы обеих эпопей принадлежали к одной и той же литературной школе⁶⁴.

В завершение хотелось бы вспомнить замечательного ученого и общественного деятеля начала XX в. Михала Рёмера, автора книги *Litwa: Studium o odrodzeniu narodu litewskiego* (Львов, 1908). Размышляя в своих сочинениях о проблемах национального и государственного строительства по отношению к белорусскому, литовскому, польскому и другим народам Центральной и Восточной Европы, М. Рёмер часто мучительно искал правильные формулировки, прибегая порой к исключительному педантизму. Так, например, он пытался оценить степень полонизации Лиды и Ошмян, а также пространно рассуждал о денационализации Ковна, Паневежа, Шавля и Вилкомижа⁶⁵. При этом ученый менял свои взгляды, иногда на прямо противоположные. Наконец, в одном из своих поздних (1920 г.) писем, адресованном ксендзу Юозасу Тумасу-Вайжгантасу, М. Рёмер изложил следующую мысль: «[...] в отношении Польши и Литвы, даже шире – в отношении целого блока народов *od morza do morza* (Украина–Польша–Беларусь–Литва–Латвия–Эстония) – я являюсь приверженцем идеи, которую назвал бы «идеей ягеллонской» в самом благородном значении этого понятия. Это значит, что я страстно желал бы увидеть и дожждаться кооперации этих народов, их объединения в какой угодно форме сотрудничества.

⁶⁴ Подробнее об этом см.: Жанна Некрашевич-Короткая, „Tibi surgit opus, Lituania praestans!“ [Рецензия: Jonas Radvanas, *Raštai = Opera, iš lotynų kalbos vertė Sigitas Narbutas*, Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2009. – 375 p.: faksim., iliustr.], in: *Senoji Lietuvos literatūra*, kn. 29, Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2010, p. 274–276.

⁶⁵ Названия городов приводятся в той форме, в которой упоминал их Михал Рёмер.

Но кооперация категорически исключает любые «окраинные» концепции, любое властвование народа над народом, страны над страной, метрополии над колонией.»⁶⁶

Своего рода «ягеллонской идеей» проникнута и *Прусская война* Яна Вислицкого. Создавая историко-панегирическую, династическую по своей идейной направленности поэму в рамках жанра героического эпоса, поэт представил победу в Грюнвальдской битве как некое счастливое предзнаменование, которое должно стать неоспоримым свидетельством величия правящего дома Ягеллонов. Сама эта победа, ее бессмертная слава (*Fama felix*), по мысли автора, должна стать уроком патриотизма для всех народов великой державы. «Разведение» легендарных историй Польши и Литвы по разным книгам *Прусской войны* объясняется идейным замыслом автора, его стремлением создать не только поэтический памятник Грюнвальду, но также художественное оправдание династических претензий Ягеллонов и конкретно – Сигизмунда Первого, «властелина Европейской Сарматии». Ян Вислицкий хочет донести до читателя своё понимание отечественной государственности. По его мнению, народы Великого Княжества Литовского и Польской Короны, объединенные властью Ягеллонов, должны жить в политическом союзе, историческую необходимость и целесообразность которого доказала еще победа в Грюнвальдской битве.

Įteikta: 2011-03-10
Priimta: 2011-04-04

⁶⁶ Цит. по: Jan Sawicki, *Michał Römer a problemy narodowościowe na ziemiach byłego Wielkiego Księstwa Litewskiego*, wyd. 1, Toruń: Towarzystwo Naukowe, 1998, s. 105.

Zhanna Nekrashevich-Karotkaja

VICTORY IN THE BATTLE OF GRUNWALD AS *OMEN FAUSTUM*
OF THE JAGIELLONIAN DYNASTY IN THE EPIC
THE PRUSSIAN WAR (1516) BY IOANNES VISLICIENSIS

Summary

The heroic poem *Bellum Prutenum* (*The Prussian War*) by Ioannes Visliciensis was intended by the author to be, first of all, a historical-panegyric epos (L. Traube) in honour of the Jagiellons. It is worth mentioning that *The Prussian War* was published in the same year as the poem *Austriade* by Riccardo Bartolini which is chronologically the first historical-panegyric epos devoted to the Habsburgs. The 1514 victory near Orsha over the Muscovites is estimated by the author as the continuation of the Grunwald triumph. On this basis the author makes it clear to all potential 'claimants' to the thrones in Krakow and Vilna that the right to the supreme power in both kingdoms belongs only to the Jagiellon descendants. The victory in the battle of Grunwald of 1410 is conceived in the poem's ideological conception as a kind of a 'good sign' (*omen faustum*) for the dynasty.